

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ <i>С чего начинается Нил?</i>	7
--	---

ЧАСТЬ 1 *Асфальтированная Африка*

ГЛАВА 1 <i>Где же город?</i>	17
ГЛАВА 2 <i>Бурные будни</i>	24
ГЛАВА 3 <i>Хруст шагов по малахитовому гравию</i>	49
ГЛАВА 4 <i>Сто одиннадцать метров вниз головой</i>	70
ГЛАВА 5 <i>Там, где растет английский чай</i>	77
ГЛАВА 6 <i>Небоскребы на помойке</i>	95
ГЛАВА 7 <i>Под лузитанским крестом</i>	116

ЧАСТЬ 2 *Города без белого человека*

ГЛАВА 1 <i>Империи, построенные ветром</i>	145
ГЛАВА 2 <i>Пираты XXI века</i>	160
ГЛАВА 3 <i>По всей Африке за доллар</i>	184
ГЛАВА 4 <i>Прогулка через триста лет</i>	194
ГЛАВА 5 <i>Манга-Манга под белыми бивнями</i>	208
ГЛАВА 6 <i>Зачарованные острова</i>	216
ГЛАВА 7 <i>Пряный бриз Занзибара</i>	230
ГЛАВА 8 <i>Не поминайте всуе царицу Савскую</i>	241

ЧАСТЬ 3

Земля вождей

ГЛАВА 1 <i>Вечные ритмы тамтамов</i>	263
ГЛАВА 2 <i>Свадьбы на радость всей стране</i>	281
ГЛАВА 3 <i>Сухой закон африканского секса</i>	299
ГЛАВА 4 <i>Мадонны черные и белые</i>	316
ГЛАВА 5 <i>Ухватить льва за хвост</i>	338
ГЛАВА 6 <i>Бог не оставил гикую</i>	362
ГЛАВА 7 <i>Многоликие духи Тенгененге</i>	383

ЧАСТЬ 4

Не только звери

ГЛАВА 1 <i>Долгая дорога в Серенгети</i>	401
ГЛАВА 2 <i>Великая миграция</i>	409
ГЛАВА 3 <i>Тайны розовых фламинго</i>	421
ГЛАВА 4 <i>Королева шимпанзе</i>	431
ГЛАВА 5 <i>Спаستись в океане</i>	449
ГЛАВА 6 <i>Бивень преткновения</i>	456
ГЛАВА 7 <i>Африка без снега</i>	479
ГЛАВА 8 <i>Снег на экваторе</i>	497
ЗАКЛЮЧЕНИЕ <i>Страсть, объединяющая всех</i>	508
ОТ АВТОРА	527
ЧТО ЕЩЕ ПОЧИТАТЬ	528
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, РЕКОМЕНДУЕМЫЕ К ПРОСЛУШИВАНИЮ	545
УКАЗАТЕЛЬ	551

**Supposez mille hommes faisant
le même voyage: si chacun
était observateur, chacun écrirait
un livre différent sur ce sujet,
et il resterait encore des choses vraies
et intéressantes à dire pour celui
qui viendrait après eux.**

— *L-S. Mercier*¹

ВСТУПЛЕНИЕ

С чего начинается Нил?

В первый вечер в Джиндже закат был розово-красным. Солнечные лучи, преломляясь в облаках, то кропили небесный пух сладким малиновым сиропом, то поливали густым багровым соком, то разбавляли терпким пурпурным вином. На земле цветастый хоровод дробился в ряби широкой реки, неспешно движущейся вдоль зеленого строя округлых холмов. Поверить в то, что полноводное русло и есть исток, пусть даже великого Нила, было непросто.

Между тем сомневаться не приходилось. На противоположном берегу, в нескольких сотнях метров, в надвигающихся сумерках белела стела. Она была свидетельством того, что именно оттуда английский путешественник Джон Хеннинг Спик первым из европейцев увидел, где берет начало самая длинная река планеты и тем самым разрешил загадку, мучившую просвещенное человечество без малого 2500 лет.

Еще в 460 году до нашей эры Геродот упоминал, что Нил вытекает из глубокого подземного источника, заключенного меж двух высоких скал. Описание точно соответствовало обстоятельствам.

¹ *Вообразите себе тысячу человек, совершающих одно и то же путешествие; если бы каждый из них был наблюдателем, то каждый написал бы книгу впечатлений, отличную от остальных; и все же еще немало верного и интересного осталось бы сказать тому, кто отправился бы в то же путешествие после них. Л-С. Мерсье.*

Древние греки не смогли проникнуть дальше первого порога, а издали он выглядел так, как рассказывал «отец истории».

Император Нерон послал к таинственным истокам многочисленное войско, но тирану античного мира также не суждено было узнать истину. Римляне вернулись ни с чем, убоявшись трясин Судда, – самого обширного в мире болота, раскинувшегося на территории нынешнего Судана по ходу почти 7000-километрового маршрута Нила.

Успех в освоении этих территорий пришел в XIX веке, когда за дело взялась Британская империя, находившаяся на вершине могущества. Англия снаряжала экспедицию за экспедицией, подгоняемая состязанием с французами и немцами, также жаждавшими первыми разузнать и обрести истоки мистической реки. В 1856 году Королевское географическое общество направило вглубь Черного континента Джона Спика, которого сопровождал искатель приключений и литератор Ричард Бертон. Им удалось увидеть Энъянджа Налубаале – так местные жители называли гигантское озеро, названное английским дуэтом именем королевы Виктории, но Нил по-прежнему оставался непокоренным.

В тот раз болезнь Бертона не позволила двинуться дальше. Несколько лет спустя Спик, убежденный, что Нил вытекает из Виктории, вновь добрался до озера. Исторический момент наступил 7 июля 1862 года, когда англичанин вышел на берег неизвестной ему довольно значительной реки. Открывшийся вид сторицей вознаградил упорного исследователя за труды и лишения.

Вдали простиралась бескрайняя гладь озера Виктория, из которого вытекала река. Перекатываясь через пороги, она с грохотом катила воды мимо Спика. Рядом с порогами из земли бил вливавшийся в поток мощный ключ. Сомнений больше не оставалось. Это и был исток легендарного Нила, долго не подпускавший к себе любопытных и охочих до чужих земель европейцев.

Но лучше предоставить слово очевидцу. «Вид был прекрасен. Ничто не могло превзойти его! – восторженно записал Спик в дневнике. – Я как будто попал в идеально устроенный парк. Великолепный поток шириной от 600 до 700 ярдов, испещренный островками и скалами, занятыми рыбацкими хижинами, птицами и греющимися на солнце крокодилами, протекал между высокими травянистыми берегами с деревьями и банановыми кустами, рощами на некотором отдалении от воды. Теперь

экспедиция выполнила свою задачу. Старик Нил, без сомнения, вытекает из Виктории».

Открытую реку Спик назвал Нил-Виктория, пороги – водопадом Риппон, в честь главы Географического общества, а подробности невероятных странствий изложил в книге, составившей два увесистых тома. Сделал он это предельно искренне, не утаив ни экзотических обычаев местных народностей, бесстыдных на взгляд чопорной викторианской Британии, ни собственных греховных мыслей, ни пикантных советов, данных им африканской королеве (относительно ее супружеской жизни) и королю (по поводу размеров его мужского достоинства). Полного издания книга дождалась лишь в следующем, менее щепетильном столетии.

...Малиновый солнечный диск неумолимо уползал за почерневший холм. Каждые несколько секунд свет убывал слабым, но ощутимым рывком, как будто на небе кто-то методично выдергивал из розетки шнур еще одного прожектора или поворачивал ручку выключателя на очередное деление. Скоротечная агония экваториального дня завершалась.

Продолжать прогулку не имело смысла. В сгустившейся темноте глазам не под силу было различить не только ключ, но и пороги. Пришлось вернуться в гостиницу, по пути поминая недобрым словом изрытые рытвинами кенийские дороги и двойную таможенную бюрократию на границе с Угандой. Если бы не они, в угандийский городок Джинджу, стоящий на истоках Нила, из кенийской столицы Найроби можно было бы добраться значительно быстрее.

На следующее утро я отправился к стеле. На противоположный берег дорога вела через солидный бетонный мост, а точнее – плотину крупной гидроэлектростанции «Оуэн Фоллс», снабжающей электричеством не только Уганду, но и западные районы Кении. К самой стеле подъезда не было.

Оставив машину, я пошел в направлении, где, согласно карте, должен был стоять монумент, по пути перешагнув через узкоколейное железнодорожное полотно, показавшееся игрушечным. «Экспресс лунатиков» – вспомнилось вычитанное в книгах название дороги. Англичане строили ее на рубеже XIX и XX веков, с упрямством безумцев протягивая в Уганду ветку от кенийского порта Момбаса через скалы и реки, ущелья и болота.

Сумасшедший рывок не смогли остановить ни болезни, ни дикие звери, ни восстания африканских племен. Еще удивительнее, что могучий порыв стал порождением не трезвой экономической целесообразности, обычно присущей жителям Туманного Альбиона, а маниакального стремления во что бы то ни стало добраться до истоков Нила и навсегда закрепить их за собой.

Пятна ржавчины и высокая трава доказывали, что в независимой Африке «Экспресс лунатиков» практически не используется. Догадку подтвердил подошедший парень, который вызвался быть проводником. Как и Спика, его звали Джон, но бывших колонизаторов он не жаловал. Даже названия английских футбольных клубов вызывали у него саркастические реплики, в отличие от ЦСКА, «Зенита» или «Локомотива». Наши клубы он тоже знал по выступлениям в еврокубках и болел за них, когда те играли против англичан.

– Надо сбить с этих британцев спесь, – возбужденно доказывал он, явно оседлав любимого конька. – А то, что получается? Они самые богатые, значит, им все можно, так что ли? Можно всех лучших футболистов скупать, всех обыгрывать, все делить только между собой? Это называется «справедливость»? Да пошли они!

Но вот и стела. Теперь надо только развернуться в сторону озера Виктория и... Вместо kloкочущего потока предо мной предстала все та же, виденная накануне, глубокая, неспешная река. Пойдите, а где же пороги? Где описанные Спиком скалы? Где, черт возьми, исток?

– Все на месте, – попытался успокоить Джон. – Островки есть: вон там, и там еще. Просто их осталось немного. Скалы и ключ тоже никуда не делись. Только они теперь под водой. Но если взять лодку и подплыть к тому острову, видите, вдалеке, у больших камней, то можно разглядеть бьющие со дна струи. Это и есть исток.

Разочарование было настолько сильным, что ноги машинально двинулись к машине. Нет, я, конечно, знал, что возведенная в начале 1950-х годов плотина «Оуэн Фоллс» повысила уровень Виктории-Нила, но и представить не мог, насколько.

– А что было делать? Электричество тоже нужно, – оправдывался Джон. – А пороги можно посмотреть в другом месте, в Бужагали. Не бойтесь. Рядом. Всего несколько километров ниже по течению.

Буджагали действительно не подкачало: мириады радужных брызг, взмывавших над острыми скалами, стаи разноцветных птиц, птах и пташек, густая зелень по берегам и на островках, и посреди этого тропического великолепия – группа самоубийц. А как еще можно назвать тех, кто, схватив, как спасательный круг, пластиковую емкость из-под растительного масла, за один-два доллара, ради праздного развлечения туристов, кидался в бурлящую стремнину?

– Бывали и смертельные случаи, но ребята продолжают нырять. Работу найти очень трудно, а жить как-то надо, – пожал плечами Джон.

Не исключено, что такая экстремальная форма заработка исчезнет. Правительство Уганды намерено построить в Буджагали гидростанцию, мощность которой будет равна двум третям всей вырабатываемой в стране электроэнергии. Если планы осуществятся, пороги скроются под водой. Остается надежда на то, что начало строительства и дальше будет затягиваться. Первоначально к возведению плотины планировалось приступить в 1994 году, но из-за компенсаций окрестным крестьянам, протестов экологов, скандалов со взятками, проблем с финансированием старт постоянно отодвигался, и конца отсрочкам не видно.

Есть и еще одно важное обстоятельство, которое препятствует строительству на Ниле гидростанций и любых других сооружений. Оно заключается в том, что десять стран, расположенных в бассейне реки, связаны единственным в своем роде договором об использовании ее вод.

Документ подписан в 1929 году, когда большинство его участников были колониями и не имели собственного голоса. За них все сделала Великобритания, составившая договор так, что полный и безоговорочный контроль над использованием нильских вод получил Египет. Без его согласия ни одна страна не имеет права начать ни один проект на собственной территории, если он хоть в малейшей степени затрагивает Нил и его притоки.

Для Египта, который берет из Нила почти всю воду, обмеление реки стало бы страшным, смертельным ударом. В считанные дни урожай бы погиб от засухи, а сами египтяне – от жажды. Но, разрабатывая договор в пользу Каира, Лондон меньше всего думал о защите окружающей среды и, уж конечно, не сильно терзался муками совести, требовавшими обезопасить миллионы египтян

от угрозы голодной смерти. Просто в ту пору Египет служил для Англии главным источником получения хлопка, который, как известно, используется не только в качестве безобидного текстильного сырья, но и для изготовления пороха. Допустить перебои с поставками важного стратегического продукта Лондон не мог.

Время шло, и в последние годы страны, расположенные в верховьях Нила, стали поначалу робко, а потом все настойчивее выражать недовольство неравноправным договором. Явочным порядком его нарушила Танзания, объявившая о строительстве водопровода, который будет снабжать водой озера Виктория два города и десятки деревень в засушливых районах. Реально водопровод ничего не изменит. От того, что из Виктории откачают ничтожную толику воды, полноводность озера не пострадает. Важно другое – Танзания решила реализовать проект самостоятельно, не спросив разрешения у Египта.

По стопам соседки пошла Уганда, да еще как решительно! Страна объявила о намерении пересмотреть документ. Парламент рекомендовал правительству аннулировать договор как не отвечающий национальным интересам. Депутаты также посоветовали президенту потребовать от Каира компенсацию за ущерб, нанесенный поднятием уровня воды в угандийских озерах.

Сходные настроения растут в Кении, критические высказывания доносятся из Аддис-Абебы. Последнее беспокоит Египет больше всего. Если из договора выйдет Эфиопия, он утратит значение, так как львиная доля воды поступает в Нил из притоков, берущих начало в эфиопских горах.

В 2013 году лед тронулся. Эфиопия приступила к работам по изменению русла Голубого Нила. В Аддис-Абебе объявили, что это необходимо для завершения строительства высотной плотины «Возрождение». Грандиозное гидротехническое сооружение стоимостью почти пять миллиардов долларов будет использоваться для выработки электроэнергии. Обширное водохранилище, которое возникнет после возведения плотины, сможет накапливать свыше 80 миллионов кубометров воды. Часть драгоценной влаги пойдет на орошение полей и, таким образом, не доберется до Египта.

Эфиопы утверждают, что стройка не ущемляет права других стран, но из Каира сразу же полетели тревожные заявления.

Египет, которому и сегодняшняя, непропорционально большая водная квота кажется недостаточной из-за быстрого роста населения, категорически отвергает строительство любых дамб, так как это сказывается на объеме воды в реке.

Когда стало ясно, что проект «Возрождение» вступил в практическую стадию, в Каире срочно созвали совещание ведущих политических партий. Телеканалы транслировали встречу в прямом эфире, но некоторые советники президента об этом не знали и во всеуслышание предложили главе государства разбомбить ненавистную плотину. Разразился скандал. В ответ Эфиопия заявила, что уж теперь-то завершит строительство во что бы то ни стало, невзирая на угрозы египетских политиков.

Спор вокруг водных ресурсов начал попахивать региональным конфликтом, довести который до горячей фазы не позволило свержение египетского лидера. В 2015 году Египет, Эфиопия и Судан провели переговоры и подписали соглашение, снизившее остроту конфликта. В документе закреплено «сохранение за Египтом всех прав на водные ресурсы Нила», но это только декларация. Обсуждение конкретных мер, которые должны обеспечить реальное выполнение договоренности, стороны оставили на потом, запланировав новые встречи.

Каиру при любом руководстве будет нелегко примириться с новой реальностью, ведь до сих пор ему удавалось сохранять статус-кво, то есть обеспечивать отвод себе больше двух третей нильской воды. В «Оуэн Фоллс» и сегодня, полвека спустя после строительства ГЭС, постоянно находится египетский инженер. Он наблюдает за расходом воды Нила-Виктории, хотя, деятельность этой гидростанции на объем воды, достигающей Египет, практически не влияет.

Договором связана даже Бурунди, не имеющая выхода к побережью Виктории. А все потому только, что на ее территории берет начало река Кагера, впадающая в озеро и, следовательно, тоже в какой-то степени снабжающая Нил водой. Кстати, некоторые считают именно Кагеру истинным истоком Нила, хотя большинство продолжает придерживаться версии Спика.

Находясь в Джиндже, со второй точкой зрения трудно не согласиться. Широкая, полноводная, эпически безмятежная — такой и должна быть река, дающая начало великому Нилу, воспетому в песнях и легендах.

...Во второй вечер закат перебирал оттенки серого, желтого и голубого. Облака наливались ядовитым свинцом, светились лазоревым, бирюзовым, сиреневым. Под сизыми тенями взрывались медные всполохи, проступало жемчужное, серебристо-лунное сияние.

Только когда истаяли последние, холодные лучи солнца, бледная палевая дымка загустела и, помрачнев, сменилась бархатом ночи, а с реки резко потянуло сыростью, я, наконец, вспомнил про фотоаппарат.

– Никогда себе не прощу, – просверлила мозг первая возбужденная мысль. – Не снять спектакль, равного которому не довелось видеть ни на Замбези, ни на Конго, ни на Тежу, ни на Оке. Зачем было два дня трястись по разбитым африканским дорогам?

– Затем, – примирительно отозвалось внутреннее эхо, – что есть ощущения, которые все равно не передать на пленке и не поведать в словах, но которые навсегда сохраняются в памяти и в сердце.

ЧАСТЬ 1

Асфальтированная Африка

Как над беспокойным градом,
Над дворцами, над домами,
Шумным уличным движеньем
С тускло-рдяным освещеньем
И бессонными толпами, —
Как над этим дельным чадом,
В горнем выпрленном пределе
Звезды чистые горели,
Отвечая смертным взглядам
Непорочными лучами...

Ф.И. Тютчев

ГЛАВА 1

Где же город?

Путешествие к истокам Нила, сердцу Африки, удалось совершить уже в зрелом возрасте, после долгих лет работы на Черном континенте, когда многое в этих краях перестало быть экзотикой, примелькалось, стало обыденным. «Человек привыкает ко всему» — расхожая фраза — нигде, пожалуй, не подтверждается с такой очевидностью, как в Африке. Казалось бы, только что прилетел, еще вчера все вокруг выглядело странным до нелепости, а сегодня спокойно и уверенно шагаешь в галдящей толпе чернокожих людей, среди пальм и жакаранд, словно прожил тут всю жизнь.

И вот что особенно забавно. Была бы в африканских городах хоть капля общего со старомодным и уютным Замоскворечьем, где родился, или с неброской, но щемяще милой среднерусской равниной, к которой прикипел навсегда, — еще куда ни шло. Но ведь нет, а поди ж ты! Прошло совсем немного времени, и чужаком я себя ощущать перестал, хотя никогда всерьез не помышлял, что судьба может занести в столь дальние края. Все му виной — филологические штудии в Московском институте иностранных языков имени Мориса Тореза. Поступал

я с английским, при зачислении меня определили в португальскую группу, а на старших курсах интереса ради поучил французский. В результате получилось, что владею набором языков, с которым можно посылать в любую страну южнее Сахары, то есть не в арабскую Африку, а в настоящую, «черную». Наверное, так и рассуждал отдел кадров Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС), приглашая выпускника языкового вуза попробовать силы в качестве журналиста в африканской редакции.

Впрочем, было еще одно обстоятельство, позволившее воспринять необычное приглашение как само собой разумеющееся. Родители рассказывали, что в Первой Градской больнице, где я появился на свет, акушеру ассистировал чернокожий студент. Это был один из тех африканских учащихся, что наводнили советские вузы после того, как в 1960 году сразу 17 колоний континента объявили независимость. Его добродушная физиономия с толстыми губами и белоснежной улыбкой, было первым, что я увидел в этом мире, как вспоминала мама.

– Не волнуйтесь, мамаша, – приговаривал он почти без акцента, старательно растягивая слова. – Все хорошо. У вас родился мальчик.

Рассказ о благожелательном чернокожем докторе с младенчества отпечатался в сознании, стал неотъемлемой частью истории моей жизни. Выучившись читать, я пристально следил за событиями в далекой Африке, переживал за борьбу народов португальских колоний, освободившихся последними, в 1975 году. Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что доставшийся в институте сравнительно редкий португальский язык и крутой поворот судьбы после окончания учебного заведения стали для меня если и сюрпризами, то скорее приятными. К тому же в то время Африка была на слуху, события там регулярно освещались в прессе и по телевидению. СССР масштабно сотрудничал с африканскими государствами, посылая в тропики тысячи специалистов и советников, там работало немало советских корреспондентов, а командировки считались престижными.

И пошло-поехало: сначала португалоязычная Ангола, потом Мозамбик, тоже говорящий на языке Камоэнса и Сарاماгу, потом англоязычные Замбия и Кения, а заодно и сопредельные Уганда, Танзания, Зимбабве. Теперь, оглядываясь назад, можно подсчитать точно: Африке отданы 12 полных лет жизни. Как

ни крути, весомая ее часть. На моих глазах континент менялся и не всегда — к лучшему. Но он неизменно оставался интригующим, противоречивым, непредсказуемым. В общем, не менее занимательным и многогранным, чем с детства обожаемая классическая музыка.

Обдумывая книгу об Африке, я обнаружил, что впечатления от увиденного и пережитого на Черном континенте, где мне довелось четырежды побывать в длительных командировках, как бы сами собой разделились на четыре части: Африка современная, древняя, традиционная и первозданная. Четыре слоя действительности, четыре уровня ее понимания, четыре пласта жизни, поначалу казавшейся странной, но постепенно обретавшей свою, пусть и необычную логику.

Надеюсь, эта форма построения материала будет удобной для читателей. Каждый из них — и любознательный соотечественник, не имеющий возможности посетить отдаленные страны и континенты, и готовящийся к предстоящей поездке состоятельный турист, и предприниматель, ищущий возможность расширить дело за счет выхода на африканский рынок, и любитель истории, музыки, спорта — найдет в ней нечто интересное.

Разумеется, уровней, пластов, слоев в Африке неизмеримо больше, чем четыре. Структура континента многосложна и запутана, будь то рельеф, мир растительный и животный, социальные отношения. Решение назвать книгу «Снег на экваторе» как раз и вызвано тем, что Африка, как ни один другой континент, соткана из парадоксов и контрастов.

Стоя на одной ноге посреди стада тощих коров, пастух-масай в традиционной красной накидке шука, одетой на голое тело, оживленно болтает по мобильному телефону. Менеджер крупной компании, выпускник Оксфорда, озабоченный падением в последнем квартале прибыли, вызывает колдуна, чтобы очистить фирму от сглаза. В Африке подобное воспринимается совершенно естественно.

Снег на экваторе, который встречается лишь в одном месте, у вершины горы Кения, во время восхождения на нее показался мне символом современной Африки, где бок о бок органично соседствуют явления в других частях света несовместимые. Вступив в век XXI, Черный континент во многом продолжает жить так же, как и тысячелетия назад. Вместе с тем приметы новой эпохи, эпохи

глобализации, появляются и крепнут на удивление быстро, хотя жители других частей света предпочитают это игнорировать.

Напрасно. Ведь только кажется, что происходящее в Африке нас, в России, совсем не касается. Во всяком случае, если не экономические, политические и социальные, то уж климатические изменения затрагивают нашу страну самым прямым образом. Так считают эксперты Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), чья штаб-квартира расположена в Найроби. С ними можно и нужно спорить, однако их мнение, транслируемое тысячами средств массовой информации, придется выслушать и принять к сведению.

Традиционная Африка потихоньку отстывает. Но старинные обычаи, образ мышления в архив не спишешь. Они по-прежнему оказывают основополагающее влияние на поведение людей, их образ жизни, манеру общения с иностранцами. Чтобы раз за разом не попадать впросак, надо присмотреться к тому, как живут африканцы, попробовать понять ход их умозаключений. Мне кажется, что четырехчастная форма книги поможет читателям получить более полную, объемную картину жизни обширного региона Земли, в котором произошло невероятное смешение примет каменного и компьютерного веков.

Африка настолько разнообразна, что попытка подвести происходящее к одному знаменателю неизбежно вылилась бы в грубое упрощение и искажение идущих там разнообразных, противоречивых процессов. Тем не менее общие черты можно обнаружить даже у, казалось бы, совсем не похожих народностей. Две из таких черт – сильнейшая тяга к творчеству и неистовая страсть к футболу, который на Черном континенте давно перерос рамки игры, став важной частью культуры и политики – тоже нашли отражение в книге. Конечно, только тот, кто сам побывал в волшебном лесу Тенгененге и на африканских стадионах, способен в полной мере оценить талантливость и эмоциональность чернокожих обитателей планеты, но без этих, дорогих моему сердцу воспоминаний, повествование о современной Африке оказалось бы неполным.

Столь же непростительным было бы не рассказать о богатейшем животном мире, сохранившемся лучше и полнее, чем в регионах планеты, переживших промышленную революцию. Большинство туристов летят на Черный континент, чтобы взглянуть на природную экзотику. И правильно делают, ведь африканские

сафари дают мощнейший заряд энергии и незабываемые впечатления. Надеюсь, воспоминания о поездках в Масаи-Мара, Серенгети, Амбосели, Хванге, другие всемирно известные национальные парки и заповедники, будут полезны тем, кто мечтает посетить последние уголки дикой природы и соприкоснуться с этим удивительным миром.

Корреспондент информационного агентства привык доверять только собственным глазам и ушам, поэтому в книге я постараюсь как можно больше описывать конкретные места, людей, зверей, события и как можно меньше рассуждать и морализировать. Совсем избежать субъективных мыслей и оценок не удастся, на то она и книга, а не сухая новостная заметка, но торжественно обещаю ими не злоупотреблять. Репортерская привычка не давать воли чувствам, а стараться добраться до сути и как можно точнее передать увиденное и услышанное, въелась настолько, что, даже если умышленно попробовать ее отключить, ничего не выйдет. Проверено. Но полной беспристрастности, как ни старайся, тоже не добьешься, ведь это мои глаза и мои уши. Память избирательна, она оставляет то, что произвело впечатление и запомнилось лично тебе. С этим тоже ничего не поделаешь. Следовательно, специально прятать и подавлять собственное «я» было бы неправильно и бесполезно. Поэтому попытаюсь честно рассказать о том, что заинтересовало, ужаснуло и восхитило, не пытаясь укрыться за мнимой объективностью.

Задача непростая. Столько за эти годы прошло перед глазами любопытного, трогательного, жалкого, величественного, что после долгих раздумий не получилось выбрать единственное, самое яркое впечатление, в наибольшей степени подходящее для ударного начала книги. Блокноты пестрят именами и фактами, в памяти роятся сотни, тысячи образов. Они наплывают друг на друга, теснятся, мешают выделить один, самый заветный. Но с чего-то начать придется... А вот хотя бы со звуков. Их в Африке хватает с избытком. На любой вкус: мелодичных и душераздирающих, дневных и ночных. Только слушай и сходу с головой окунайся в колоритную атмосферу, пропитывайся местными реалиями. Взять, к примеру, Замбию.

Звонкий петушиный концерт начинался в Лусаке задолго до рассвета. Едва наступала полночь, как над плоскими крышами, укутанными густой чернотой африканской ночи, раздавалось

многоголосое, хриплое ку-ка-ре-ку. Обитатели Мисиси, Каньямы, Калингалинги и других нищих районов столицы Замбии не могли и помыслить об уличном освещении. До него ли, когда электричества нет в родном жилище. Домашняя птица – другое дело. Курятина – лакомая праздничная добавка к скудному повседневному рациону, состоявшему почти исключительно из приевшейся, стерильно-пресной кукурузной каши ншима. Вот только содержали полезных пернатых впроголодь. Тут не то, что закукарекаешь – завоешь.

В электрифицированных зажиточных кварталах Лусаки царили иные звуки. Житель Авондейла, Ромы, Ибекс-Хилла, проснувшись ночью, слышал непрерывный – то усиливавшийся, то уплывавший вдаль – лай десятков, сотен собак. Каждый хозяин держал не меньше пары псов. На профессионалов из охранных бюро надежды было мало. При налете нанятые там худосочные сторожа в лучшем случае поднимали тревогу, дав хозяину возможность схватить ружье или пистолет, оформить лицензию на владение которыми труда не составляло. В худшем – сбегали, а то и вовсе продолжали мирно храпеть на рабочем месте. Бывало, что и в сговор вступали с налетчиками.

Замбия никогда не считалась опасной страной. При мне гости из ЮАР выслушивали жалобы замбийцев на разгул преступности с иронической усмешкой. Уж кто-кто, а южноафриканцы знали не понаслышке, что такое настоящий криминал. Попробуй, сунься на улицу после захода солнца в Александре или Соуэто. А в Лусаке относительно безопасно можно было ходить и в темное время суток.

Все, однако, познается в сравнении. Пожилые замбийцы с ностальгией вспоминали о том, как в 1960-е на Кайро-роуд, центральном Каирском проспекте столицы, водители спокойно оставляли машины с открытыми окнами. Молодежь верила с трудом. Центр города давно превратился в опасную криминогенную зону, кишевшую карманниками и автомобильными ворами, которые обычной отверткой вскрывали любую машину за несколько секунд. Особенно привлекали преступников белые туристы, а также владельцы новеньких «Мерседесов» и джипов. Случалось, что последних под дулом автомата вынуждали расстаться с драгоценной собственностью прямо на перекрестке, во время минутной остановки на красный сигнал светофора.

После перехода к рынку в начале 1990-х наступили нелегкие времена, объяснял мне причину роста преступности репортер уголовной хроники из газеты «Замбия дейли мейл». Ликвидация убыточных государственных компаний оставила без работы тысячи людей. Часть из них сочла, что самое выгодное — взяться за грабеж и разбой.

Что может быть заманчивее, чем дорогие виллы в богатых районах и новые автомобили престижных моделей? Тем более что для краденых машин и в Замбии, и в соседних странах быстро сформировался развитый рынок сбыта. Спрос на «горячие авто», как окрестили замбийцы ворованный товар, держался стабильно высоко из-за привлекательной цены. Покупателей не отпугивала даже перспектива очутиться за решеткой в результате периодических рейдов полиции.

К счастью, в бандиты переквалифицировались не все безработные. Большинство пытались выкрутиться, не преступая закона. Значительная часть подалась в уличные торговцы. В 1980-е, когда страной правил социалист Кеннет Каунда, эта профессия считалась редкой. Потом, при рыночниках Фредерике Чилубе и Леви Мванавасе, от настырных лоточников в крупных городах Замбии не стало спасу. Они превратили в торговые ряды тротуары, назойливо рекламировали товар, брали в кольцо осады каждую машину, застрявшую в пробке.

Особенно много уличных торговцев скапливалось вокруг крупных магазинов и вдоль главных улиц: Кайро-роуд, Ча-ча-ча и Фридом-вэй. Собственно, они и составляли город в общепринятом смысле слова. Впервые подлетая к Лусаке, я подумал, что эти три улицы с парой десятков башен в 15–20 этажей, были пригородом и приготовился к появлению на горизонте очертаний высотных кварталов самой столицы. Но я напрасно ждал и всматривался в иллюминатор. Как выяснилось после приземления, остальная часть Лусаки, за редким исключением, представляла собой сборище лачуг-мазанок или островки одно-двухэтажных вилл, огороженных высокими каменными заборами с колючей проволокой и битым стеклом. Замбийцы невесело шутили: в других странах люди приезжают в столицу, чтобы любоваться на красивые здания, а у нас — на красивые заборы.

Архитектурными шедеврами Лусака действительно похвастать не могла, но это не значило, что в городе было нечем заняться

и не о чем писать. За пределами унылых государственных контор и закрытых частных владений, на улицах, площадях, перекрестках с утра до вечера кипела полнокровная жизнь, типичная для современного африканского мегаполиса.

ГЛАВА 2

Бурные будни

Лусака просыпалась рано. Государственные конторы и большинство частных фирм открывались в восемь, но уже в шесть утра в центре наблюдалось оживленное движение. К этому времени занимали боевые посты уличные торговцы. Неестественно прямые, чтобы сохранить равновесие под тяжестью водруженных на голову ведер и картонных коробок, шествовали женщины, обернутые в цветастые отрезы ткани читендже. Подстелив под себя рогожку, они до ночи сидели на тротуарах и перекрестках, предлагая прохожим хлеб, треугольные пирожки самусу, овощи, мясо, арахис и прочую снедь. В том числе и любезную желудку замбийца капенту – микроскопическую сушеную рыбку, в которой, на взгляд европейца, есть определенно нечего.

Африканцы придерживались иного мнения, с видимым удовольствием обсасывая рахитичные рыбки скелетики. И уж совсем на ура шла капента под пиво. С либерализацией экономики в Замбии, наряду с традиционным «Моси», появилось множество других сортов янтарного напитка, но простой человек по-прежнему предпочитал промышленному бутылочному домашнее разливное. Варил его всяк по-своему, но называлось оно везде одинаково – качасу. На худой конец, бедняк покупал «Чибуку шеке-шеке», разлитое в литровые картонные пакеты, наподобие молочных. Кстати, на молоко «Чибуку» походило и по цвету, но отнюдь не по вкусу.

Искаженное английское «шейк-шейк» указывало на необходимость перед употреблением взбалтывать. И хотя даже после самого энергичного и продолжительного встряхивания белесая жидкость по-прежнему напоминала воду из-под крана, щедро напичканную дрожжами, африканцы продолжали покупать

неказистые «Чибуку» и качасу гораздо чаще, чем все вместе взятые «цивилизованные» бутылочные сорта. В том числе, и признанные во всем мире намибийские, изготовлявшиеся немецкими поселенцами в строгом соответствии с многовековыми традициями европейских предков.

Странность пристрастий объяснялась не патриотизмом, а прагматизмом. Литровый пакет «Чибуку» стоил меньше, чем 0,33-литровая бутылка «Моси», не говоря уж о намибийском импорте. Между тем африканцев, редко наедающихся досыта, «шеке-шеке» сшибало с ног ничуть не хуже. Получалось в полном соответствии с поговоркой – дешево и сердито.

Но выпивка – дело вечернее. Стэнли Мтонга и его приятели, с которыми я познакомился на Кайро-роуд в первые дни после приезда в Лусаку, на работе себе пить не позволяли. Они подвизались лоточниками, или, как называли их в Замбии, мобильными торговцами, – с утра до ночи им надо было оставаться на ногах. Что это значит, я испытал на себе, когда напросился провести денек вместе с ними, чтобы написать репортаж о столичной жизни.

С рассветом ребята взваливали на себя рюкзаки и отправлялись по улицам, предлагая товар. Ассортимент менялся в зависимости от спроса: сегодня они могли продавать лазерные диски и адаптеры, через месяц – майки и джинсы, а через год – чехлы и гарнитуры для мобильных телефонов.

Начинал Стэнли с мизерной суммы, одолженной взаймы у родственников. Когда я с ним познакомился, он каждый вечер приносит домой долларов по 15 – весомую часть месячного жалования рядового госслужащего. Благодаря его заработку, получили возможность продолжить учебу две сестренки. Сам Стэнли добрался только до седьмого класса, но о школе не жалел. Что толку думать о продолжении образования, если на это нет ни времени, ни сил, говорил он.

По дороге на Кайро-роуд Стэнли заходил на центральный рынок, чтобы попить чайку. Даже короткую трапезу он стремился использовать в интересах дела, и, отхлебывая дымящийся напиток из пластмассовой кружки, не забывал дотошно расспрашивать знакомых торговцев о ценах. Следующие несколько часов парень пребывал в непрерывном движении. Он то расхаживал взад-вперед по тротуару, держа в руках образцы товара и во все горло их расхваливая, то дежурил у светофора

и, дождавшись остановки транспорта, предлагал услуги водителям и пассажирам.

К часу дня жара и голод становились нестерпимыми, и Стэнли вновь отправлялся на центральный рынок. В дешевой закускойной, разместившейся в сбитом из фанеры сарае, он мог позволить себе немного расслабиться и пообедать ншимой с кусочком курицы или говядины. Большинство сидевших рядом замбийцев, не столь финансово состоятельных, ели кашу без мяса. Через полчаса обход возобновлялся.

Мобильная торговля – это не работа, а образ жизни, убеждал меня Стэнли. Возразить было нечего. Парень действительно пропадал на улицах дни напролет, а дома только ночевал. Пару раз в неделю лоточник пополнял истощившиеся запасы товара у знакомых мелкооптовых продавцов на рынке «Камвала» и опять отправлялся в путь.

– К этому надо привыкнуть, – говорил он. – Некоторые нас не любят, считают дармоедами и спекулянтами, но сами видите – хлеб наш нелегок. А потом, торговать лучше, чем сидеть на шее родителей, слоняться без дела или мошенничать, а то и того хуже – грабить.

Постоянное движение не только помогало быстрее продать товар, но и избавляло от неприятностей, в которые попадали «стационарные» уличные торговцы. Тем надо было договариваться с владельцами магазинов и контор, убирать свою часть тротуара, а порой вступать в неприятное общение с полицейскими, которым регулярно приходила в голову мысль очистить улицу от посторонних, чтобы напроситься на взятку.

Под стать изобретательным мобильным торговцам были и их братья-таксисты. Нет, речь не о тех, кто крутит баранку. Водитель – он и в Африке водитель, со всеми минусами и плюсами. Разве что восседать ему подчас приходится за рулем столь допотопного и искореженного монстра, что можно только руками развести: и как эта изрытая вмятинами штукovina с побитыми стеклами не разваливается на глазах. Более того, резво бегают по городу. Но в Замбии были и другие «таксисты», которых у нас не встретишь.

Прозвище они дали себе сами. Жители Лусаки предпочитали называть их по-другому: темные лошадки, крутые водилы, реактивные колымаги, мотор в одну человечью силу, самба на одном

колесе. В своих тачках они возили все, брали дешево, на глазах у постовых спокойно колесили по тротуарам.

Сквозящая в прозвищах ирония не должна обманывать: кто-кто, а «таксисты» у горожан были в любви и почете. Еще бы! Как иначе небогатый житель Лусаки, каковых в городе абсолютное большинство, мог перевезти скарб на новую квартиру или доставить прямо к своему порогу пару неподъемных мешков кукурузной муки? «Таксисты» брались везти груз в любые трупщобы, их не смущали кривые тропинки и узкие проходы между домами. Тачка проходила везде.

Но такие перевозки все же были побочным приработком. Главным заказчиком выступал мелкий предприниматель. Бесчисленным магазинчикам, лавочкам и лавчонкам вряд ли удавалось бы выжить без помощи юрких одноколесных вездеходов. Автомобили зачастую не могли близко подъехать к торговым точкам. К тому же многим лавочникам они были не по карману, да и большие партии товара им не требовались. Вот тут-то тачка оказывалась поистине незаменимой.

Приходилось только поражаться изобретательности и искусству, с которым крутые водилы споро навьючивали на свои хлипкие с виду ручные грузовички крупногабаритные грузы: от длинных рулонов линолеума, множества ящиков пива «Моси» и прочей хрупкой тары до небьющихся, но зато гигантских тюков хлопка. В считанные минуты все это доставлялось к месту назначения. Причем не по пустынной сельской дороге, а по забитым транспортом, сумасшедшим городским магистралям.

Выручали сноровка и опыт. Большую часть пути «таксисты» проделывали по пыльным ухабистым обочинам дорог, так как тротуар в Лусаке был редкостью, похвастать которой могли несколько центральных улиц. Ненамного чаще попадались светофоры, а пересечь хотя бы одну широкую скоростную дорогу, как правило, требовалось. Что ж, приходилось, выкатив на шоссе колеса тачки, терпеливо ждать подходящего момента.

Завидев просвет в потоке несущихся мимо машин, таксист хватался за ручки и, словно бегун на старте, замирал в позе, исполненной крайнего напряжения. Выстрел! Качнувшись всем телом, он толкал тачку вперед и бегом, на одном дыхании, прокатывал ее через дорожное полотно.

Если у дороги был бордюр, задача усложнялась, но замбийских виртуозов дополнительные трудности не смущали. Достигнув препятствия, они стремительно разворачивали тачку на 180° ручками вперед и вытягивали ее за собой на обочину, прочь от опасного шоссе. На всю отшлифованную бессчетными повторами операцию уходила, от силы, пара секунд. Как при таких манипуляциях «таксистам» удавалось сохранять равновесие и не рассыпать груз – навеки останется их профессиональной тайной.

Причины, по которым замбийцы шли в водители одноколесного транспорта, не отличались от мотивов мобильных торговцев.

– Почти год был без работы, не мог никуда устроиться, жил впроголодь, вот и взял в руки тачку, – объяснил мне выбор нелегкого бизнеса Винсент Чанда.

Многие проделали тот же путь. Многие раскаялись в выборе.

– Два года назад, когда только начинал, дело было прибыльным, – говорил Чанда. – В удачный день зарабатывал по 20 долларов. К вечеру уставал, как вол, зато было приятно, что честно зарабатывал достаточно, чтобы быть независимым. Не то что теперь. Тачка чаще служит для отдыха, чем для перевозки товара.

Беседовал со мной Винсент, лежа в кузове тачки. Уютно устроившись, он коротал время в ожидании клиентов. Рядом в столь же непринужденных позах застыл еще десяток изнывавших от скуки «таксистов». Один слушал приемник, остальные, провожая взглядами прохожих, лениво перекидывались малозначительными фразами.

– Конкуренция усиливается с каждым днем, – продолжал Винсент. – Если так и дальше пойдет, придется заняться чем-нибудь еще.

По оценкам, только на рынке «Камвала», где трудился Чанда, действовало не меньше трехсот «таксистов». Говорили, что раньше между ними царили полное согласие и взаимопомощь, но в мою бытность в Замбии такие рассказы воспринимались как красивые легенды. Мушкетерский девиз «один – за всех, и все – за одного» был прочно забыт. Каждый греб под себя.

Борьба за клиентов, товары, места «парковки» обострялась, порождая громкие споры и отчаянную ругань.

– Слава богу, до драк и увечий пока не доходило, – уверял Винсент. – Покричим, потолкаемся и разоидемся с миром. – Но кто знает? На грани рукоприкладства бывали не раз.

Реальный дележ сфер влияния происходил в верхних эшелонах среди владельцев тачек. За право пользоваться одноколесным транспортом и Винсент, и другие ежедневно платили им примерно доллар. Когда клиент шел бойко, деньги представлялись небольшими, но в трудные времена арендная плата становилась ощутимым бременем. Казалось бы, чего проще – подкопи деньжат и купи собственную колымагу.

– Можно, но бесполезно, – отрезал Винсент. – В тот же день отнимут, да еще накостыляют как следует, и опять придется идти на поклон к хозяину.

Его хозяин Виктор Мутамбо владел сорока тачками.

– Могло бы быть 70, если бы не воровали нечестные «таксисты», – пожаловался Виктор, к которому меня привел и представил Чанда. – Поэтому приходится быть с нарушителями строгим. Но с теми, кто выполняет условия договора, я обращаюсь справедливо. По субботам взимаю половину платы, а в воскресенье и вовсе ничего не требую.

Почему бы и нет? Попробуй найди в выходной больше пары случайных клиентов.

Судя по упитанному внешнему виду, дорогой одежде и часам, для хозяев, в отличие от рядовых таксистов, конъюнктура рынка всегда складывалась удачно.

– В общем и целом бизнес идет неплохо, – признался Виктор. – «Таксисты» приходят и уходят, а мы, организаторы, продолжаем работать. Возможно, когда-нибудь наши услуги окажутся ненужными, но опыт подсказывает, что при моей жизни такое вряд ли случится.

Чтобы убедиться в правоте Виктора, достаточно было хоть раз проехать по центральным улицам Лусаки. «Замбийские такси» сновали повсюду, уверенно вытанцовывая одноколесную самбу посреди безалаберного потока машин и прохожих. К ним привыкли. На них перестали обращать внимание. Они стали таким же неотъемлемым элементом жизни города, как крикливые уличные торговцы или женщины в читендже с грузом на голове и ребенком за спиной.

Солнце клонилось к закату быстро. Как и в других странах, недалеко отстоящих от экватора, день и ночь в Замбии почти равны по продолжительности. Летом, которое в южном полушарии приходится на наши зимние месяцы, ночной покров стремительно,

за каких-нибудь 20 минут, ниспадает на Лусаку после семи вечера, зимой — и того раньше, после шести.

Человека, привыкшего жить в северных широтах, такое постоянство вскоре начинает раздражать. Хочется наших длинных летних дней, хочется настоящих погодных контрастов, а не только чередования сухого сезона и сезона мокрого. Виноват, сезона дождей.

Конечно, в Лусаке тоже бывает холодно, ведь город забрался выше километра над уровнем моря, но это совсем другой холод. В июне-августе, в разгар зимы и сухого сезона, столбик термометра ночью мог опуститься ниже десяти градусов. Разумеется, выше нуля. В газетах появлялись сообщения о замерзших на смерть бездомных. Сторожа, работники бензоколонок и прочие бедолаги, вынужденные трудиться круглосуточно, разжигали костры, напяливали несколько рубашек, теплые куртки, длинные шерстяные чулки-балаклавы, полностью закрывавшие голову и шею с прорезями для глаз и рта.

Иронизировать по поводу подобных ухищрений не стоит. В Африке холод воспринимается гораздо острее, чем в Северном полушарии, и даже закаленный скандинав зимним вечером вряд ли рискнет выйти из дома без куртки или шерстяного свитера.

Перед заходом солнца торговцы начинали сворачиваться. Закрывались конторы, через час-полтора их примеру следовали лавочки, магазины и торговые комплексы, во множестве расплодившиеся при президенте Фредерике Чилубе. Начальство развозили по домам автомобили, рядовые служащие шли к автобусным остановкам. Там они сталкивались с колоритными представителями еще одной относительно новой профессии, о существовании которой я узнал случайно, когда забрел на одну из небольших, ничем не примечательных улочек.

От истошного ора заложило уши. Несколько стоявших почти впритык микроавтобусов мешали разглядеть, что происходит. Близость крупнейшего столичного рынка подсказывала: идет любимая народом коллективная погоня за воров. Судя по тому, что вопли не удалялись и не приближались, нарушителя догнали, сбили с ног и, окружив, безжалостно колошматили, чем попало. Смущало только, почему обычно охочие до таких зрелищ прохожие не бросались стремглав к месту событий, чтобы поглазеть на торжество справедливости, а, как ни в чем не бывало, следовали по своим делам.

— Вам нечего волноваться, бвана. Это не драка. Это кричат нгвангвази, — почтительно пояснил пожилой африканец, заметив на моем лице тревогу.

Незнакомое тарабарское словечко, произнесенное нарочито гнусавым голосом, ровным счетом ничего не объясняло. Пришлось остановиться и вступить в беседу, как всегда в здешних краях, степенную и неторопливую.

В тот раз мне удалось прояснить только происхождение слова. Оказалось, что нгвангвази — звукоподражание, имитирующее беспорядочные крики, издаваемые теми, кого забавным словечком нарекли. При желании это название можно было до бесконечности удлинять, нанизывая на основу все новые и новые буковки: нгвангвангвангвангвангвангвангвангвази.

Что касается значения слова, то старик пустился в пространные рассуждения о падении нравов среди молодежи, из которых можно было заключить лишь, что некоторая ее часть имеет к нгвангвази непосредственное отношение. Как вскоре прояснилось, часть не лучшая.

Не прошло и пары недель с того памятного разговора, как нгвангвази напомнили о себе во весь свой недюжинной силы голос. В тот день радиостанции Лусаки забили тревогу с раннего утра.

— Тысячи жителей столицы не могут вовремя попасть на работу, так как все автобусы внезапно исчезли, — растерянно сообщал второй канал.

— Центр города превратился в поле битвы, — подливало масла в огонь радио «Мулунгуши».

— Полицейским только с помощью слезоточивого газа удалось разогнать толпы нгвангвази, которые, вооружившись палками и камнями, терроризировали водителей и пассажиров автобусов на центральном терминале, — добавляло подробности радио «Феникс».

К вечеру напряженность спала, по городу вновь засновали расторопные микроавтобусы, но благодаря тем событиям нгвангвази стали на слуху у всех жителей Лусаки. Даже у обитателей роскошных вил, привыкших перемещаться исключительно в дорогих лимузинах. Итак, я, наконец, узнал, что под смешным неологизмом скрывались энергичные ребята, лихо взявшие в оборот весь столичный общественный транспорт.

Еще за пару лет до этого их называли «мишанга бойз» — парни, торгующие сигаретами. С рюкзаками, набитыми блоками «Ротманс» местной выделки, они бродили по улицам, при случае залезая в карманы зазевавшихся прохожих. Некоторые целиком посвятили себя этому бизнесу и не собирались менять специализацию.

Но самые активные со временем нашли дело покруче. Толчком послужило банкротство государственной автобусной компании. Правительство попыталось заполнить брешь и на время полностью сняло пошлины на импорт пассажирского автотранспорта. На перспективный рынок ринулись частники, а к ним тут же пристроились ловкие «сигаретные мальчики».

Поначалу они были согласны на роль обычных кондукторов, но вскоре жаждущая действий натура взяла свое. На остановках ребята выскакивали из салона, не жалея легких оповещали окрестности о маршруте следования, оглушительно и безостановочно зазывали, а то и втаскивали в микроавтобус замедливших шаг или в нерешительности остановившихся прохожих. За услуги с водителя ежедневно взыскивалась плата, доходившая до ста с лишним долларов.

Шоферы не успели оглянуться, как из хозяев положения превратились в подчиненных.

— Я вынужден платить, иначе они меня вмиг разорят, — ответил на мой вопрос один из водителей.

О том, что ожидает несогласных, он знал не понаслышке. У автобуса его коллеги спустили шины, у другого — поцарапали бока, у третьего — выбили фары и лобовое стекло. Если предупредительные меры не действовали, нгвангвази не подпускали к штрафившимся водителям пассажиров. А если и это не срабатывало, непокорных после работы поджидали у ворот дома и избивали.

Перед лицом общей угрозы водители объединились и отказались выходить на трассу. Чтобы всеисильные кондукторы не пронохали о готовящейся акции, решение принималось в обстановке строжайшей конспирации, поэтому застало врасплох не только их, но и ни в чем не повинных пассажиров. Разъяренные нгвангвази по привычке попробовали было намять строптивцам бока и, если бы не профессионально экипированные спецподразделения полиции, наверняка бы преуспели.

После слезоточивого газа ребята поутихли, но ненадолго.

— А что еще остается? — откровенно заявил мне коренастый крепыш по кличке Чемпион. — В школу возвращаться поздно, да и потом, работу даже с хорошим образованием не очень-то найдешь. А тут — какое-никакое развлечение и плюс, конечно, заработок. Хватает и на пиво с девочками, и на братьев с сестрами. Пусть хоть они выучатся приличной профессии.

С заходом солнца центр окончательно вымирал. У дверей контор на Кайро-роуд оставались только одетые в униформу сотрудники охранных агентств. Редкие машины проносились, почти не обращая внимания на продолжавшие исправно мигать светофоры. В семь вечера единственная государственная программа телевидения начинала главную получасовую программу новостей. Перед зрителями предстала шеренга высокопоставленных говорящих голов, зачитывавших по бумажкам речи и заявления. Еще через час-другой город отходил ко сну, а к 22–23 прекращалось и телевидение. Зачем зря жечь электричество?

Некоторые были склонны объяснять пуританские нравы замбийской столицы климатическими особенностями. Действительно, высокогорье вкупе с африканским солнцем способствовало приходу ранних снов. Но, думается, главная причина заключалась в деревенских традициях. До провозглашения Абуджи столицей Нигерии, а Ямусукру — столицей Кот-д'Ивуара, главный город Замбии считался на континенте одним из самых юных. Долгое время Лусака оставалась небольшой железнодорожной станцией, окруженной фермами. Даже на центральной Кайро-роуд, вытянувшейся к небу после независимости, остались несколько старых одноэтажных строений с характерными крышами, привнесенными в Южную Африку переселенцами из Голландии. Когда-то из таких домов состоял весь город, точнее — поселок. О тех временах напоминают районы Эммансдейл и Макени, унаследовавшие названия от стоявших на их месте ферм.

Сам город именуется по названию крааля² мелкого вождя племени лендже, входящего в группу племен тонга. Первый белый поставил там палатку в 1902 году, и вплоть до окончания Первой мировой войны на почтовых отправлениях значилось истинное туземное имя — Лусаакас.

² Крааль — поселение своеобразной планировки у скотоводческих народов Южной и Восточной Африки. — Прим. ред.

Толчок развитию будущей столицы дала железная дорога, которую с юга, от Кейптауна, вел на север, к Каиру, феноменально упорный и по-своему гениальный строитель Британской империи Сесил Родс. Рельсы достигли Лусаки в 1906 году, два года спустя появился первый магазин, а еще через два – школа. Большинство учеников были детьми буров или африканеров – потомков голландских и французских переселенцев-протестантов, мигрировавших с юга континента. Отсюда и сохранившиеся элементы староголландской архитектуры. Многие из первопроходцев нашли упокоение на небольшом старом кладбище в районе Роудс-парк, где находился корпункт ТАСС. Их имена и поминальные слова на африкаанс до сих пор, хотя и не без труда, можно прочесть на покосившихся, разбитых памятниках.

В 1917 году паровоз доставил в Лусаку первый автомобиль – большой и просторный, с деревянным полированным корпусом и максимальной скоростью десять миль в час. Поглазеть на диковину сбежалась вся деревня, дотоле лицезревшая лишь повозки, запряженные быками.

Постепенно вырастали жилые, административные здания, мастерские. И все же, когда в 1930 году, зимней августовской ночью на станцию прибыл правительственный чиновник, выбиравший место для нового административного центра колонии Северная Родезия, Лусака показалась ему скорее захудалым пограничным пунктом, чем городом. «Самое бесплодное и пустынное место в Северной Родезии. Ветренное, холодное и жалкое», – написал он в докладной.

Тем не менее в пользу Лусаки сыграл ее здоровый, не вызывающий малярии климат и центральное положение. В мае 1935 года новую столицу провозгласили с приличествующей обстоятельством помпой. Но только в 1962 году, после завершения строительства собора Святого Креста, Лусака получила полное право именоваться городом. К тому времени в ней обитали почти сто тысяч человек, а сейчас население приближается к двум миллионам.

Постоянно живущих белых осталось несколько тысяч, и большинство из них – люди весьма почтенного возраста, решившие после провозглашения независимости не возвращаться на историческую родину. Некоторым повезло найти на новом месте собственную нишу. Одного, вернее одну из таких счастливиц я встретил на вернисаже. На самом деле наше знакомство

состоялось в первую же минуту пребывания на замбийской земле, только я об этом не догадывался. Гэбриел Эллисон, так звали художницу, знает каждый, кто хотя бы раз побывал в столице Замбии, пусть даже пролетом. На выходе из международного аэропорта пассажиров встречает одно из ее самых масштабных творений – огромное панно с изображением экзотических представителей замбийской фауны. Потом произведения Эллисон, созданные исключительно на местном материале, сопровождают повсюду: в гостиницах, конференц-залах, холлах общественных и частных зданий.

Многометровое панно, живописующее идиллическую сценку из жизни счастливой чернокожей семьи, висело и у въезда в дом Гэбриел, стоявший в одном из престижных, бывших «белых», районов Лусаки. Тем большее удивление я испытал, узнав, что в жилах художницы нет ни капли африканской крови. А главным направлением ее творчества стали не монументальные работы, а миниатюры – почтовые марки.

– Тяга к контрастам у меня от отца, – рассказала Гэбриел. – Большой был непоседа и страстный любитель розыгрышей. Он и надо мной подшутил уже при рождении. Вот назвал мужским именем, и что будешь делать?

Прежде чем осесть в Северной Родезии, отец Эллисон вдоволь попутешествовал по свету: работал репортером английской газеты в Китае во время «боксерского» восстания, воевал на фронтах Первой мировой, наведывался в Австралию и Канаду, а в итоге обосновался в Мексике. Приобрел асьенду, завел скот, но разразилась революция, и от дома осталось пепелище. Тогда отец ухватился за подвернувшееся кстати предложение поработать в администрации одной из северородезийских провинций.

Эллисон-старший остался верен себе и в Африке. До того, как остановить выбор на Лусаке, он вместе с молодой женой исколесил всю страну. Поначалу казалось, что фортуна сменила гнев на милость. На золотых рудниках удалось подзаработать. Но нагрянула Великая депрессия, и все накопленное улетучилось, как дым. Жизнь пришлось начинать сначала. Постепенно, к концу 1930-х, она наладилась. Эллисон остепенился, купил маленькую ферму и из неприкаянного странника превратился в солидного фермера. В это светлое время и появилась на свет Гэбриел.

Первые уроки рисования она получила от родителей.